

24. Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. Ч. 4. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск, 1974а. 190 с.
25. Косарев М.Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. Томск: изд-во Том. ун-та, 1979. С. 15–25.
26. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 182 с.
27. Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово-I (препринт). Тюмень, 1993. 64 с.
28. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 222 с.
29. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. Тюмень: Наука, 1985. 375 с.
30. Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 92–97.
31. Бородовский А.П. К вопросу об использовании костяных орудий из нижних челюстей с зубами крупного рогатого скота // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989.

*Наталья Петровна МАТВЕЕВА —
профессор кафедры археологии, истории древнего мира
и средних веков Института истории и политических наук,
доктор исторических наук
nataliamatveeva 1703@yandex.ru*

*Татьяна Николаевна РАФИКОВА —
научный сотрудник Института гуманитарных исследований
TNRafikova@yandex.ru*

*Николай Александрович ПОПОВ —
студент 5 курса Института истории и политических наук
Porov_Kolja@mail.ru*

Тюменский государственный университет

УДК 902

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА КОЗЛОВ МЫС ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (2007–2009 гг.)

EXCAVATION RESULTS OF KOZLOV FORELAND NECROPOLIS OF GRATE MIGRATION EPOCH (2007–2009)

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются материалы IV–V вв. из Зауралья, полученные при раскопках могильника Козлов Мыс близ Тюмени, отражающие смену культур и этносов на рубеже раннего железного века и средневековья и формирование бакальской культуры.

SUMMARY. The article presents the materials of IV–V centuries, obtained during excavation works of Kozlov Foreland necropolis near Tyumen. The materials demonstrate the change of cultures and ethnoses at the turn of Iron Age and Middle Ages, as well as the formation of Bakalsk culture.

*КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Зауралье, Великое переселение народов, бакальская культура.
KEY WORDS. Trans-Urals, the Grate Migration epoch, Bakalsk culture.*

Уверенность реконструкциям историко-культурных процессов любого региона придает достаточная степень изученности памятников разных видов. Нерешенность многих проблем формирования средневековых археологических культур в западной части Западной Сибири связана не только с крайне слабой изученностью погребальных комплексов, но и с отсутствием подробных публикаций по исследованным могильникам. Приятным исключением являются материалы Ликинского, Пылаевского и Пахомовского некрополей [1; 133–168]; [2; 130–147]; [3; 147–152]; [4; 128–137]. Но эти немногие статьи посвящены уже сформировавшимся средневековым культурам, результаты же исследования одного из интереснейших памятников — могильника Козлов Мыс (Козловский), расположенного в зоне контактов нескольких культурных образований в переходный период от раннего железного века к средневековью, так и остались до сих пор не опубликованными.

Для решения ряда проблем средневековой археологии Зауралья, по которым в последнее время вновь идут острые дискуссии, было принято решение не только поднять и осмыслить материалы изученного В.Н. Чернецовым некрополя, но и провести раскопки на оставшейся не исследованной части памятника.

Козловский могильник расположен в 18 км к юго-востоку от Тюмени, на возвышенной гряде Козлова мыса, вдающегося в озеро напротив Большого Острова, отделяющего зеркало Андреевского Большого озера от Малого (рис. 1).

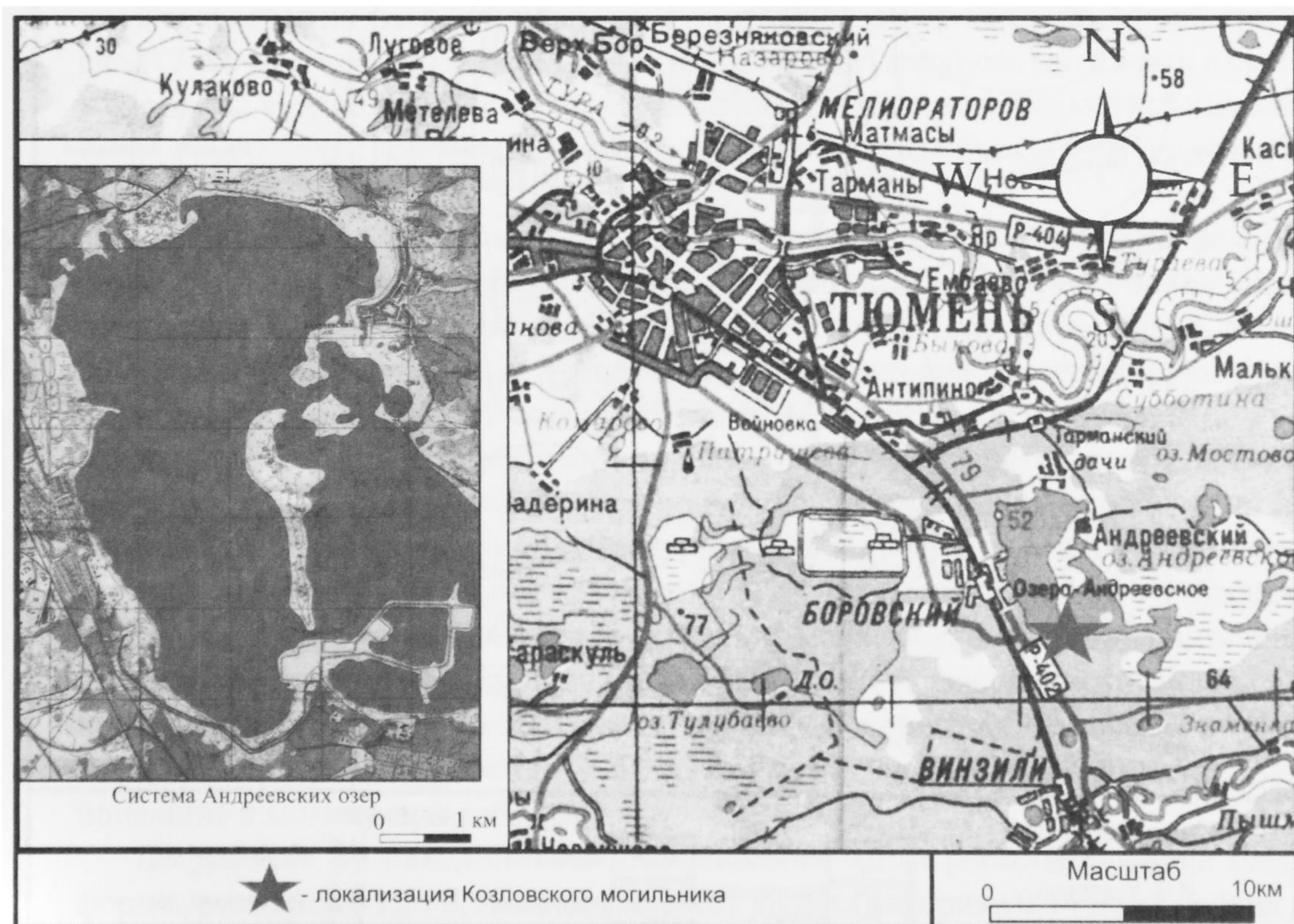

Рис. 1. Карта расположения Козловского могильника

Он обнаружен В.Н. Чернецовым, им же исследовался в 1952 г., 1955–1956 годы. В результате многолетних работ были вскрыты почти вся центральная часть дюны и треть северной оконечности мыса, где помимо средневекового могильника была обнаружена неолитическая стоянка Козлов мыс-I. Кроме того, были раскопаны одиночные курганы в южной стороне некрополя (рис. 2).

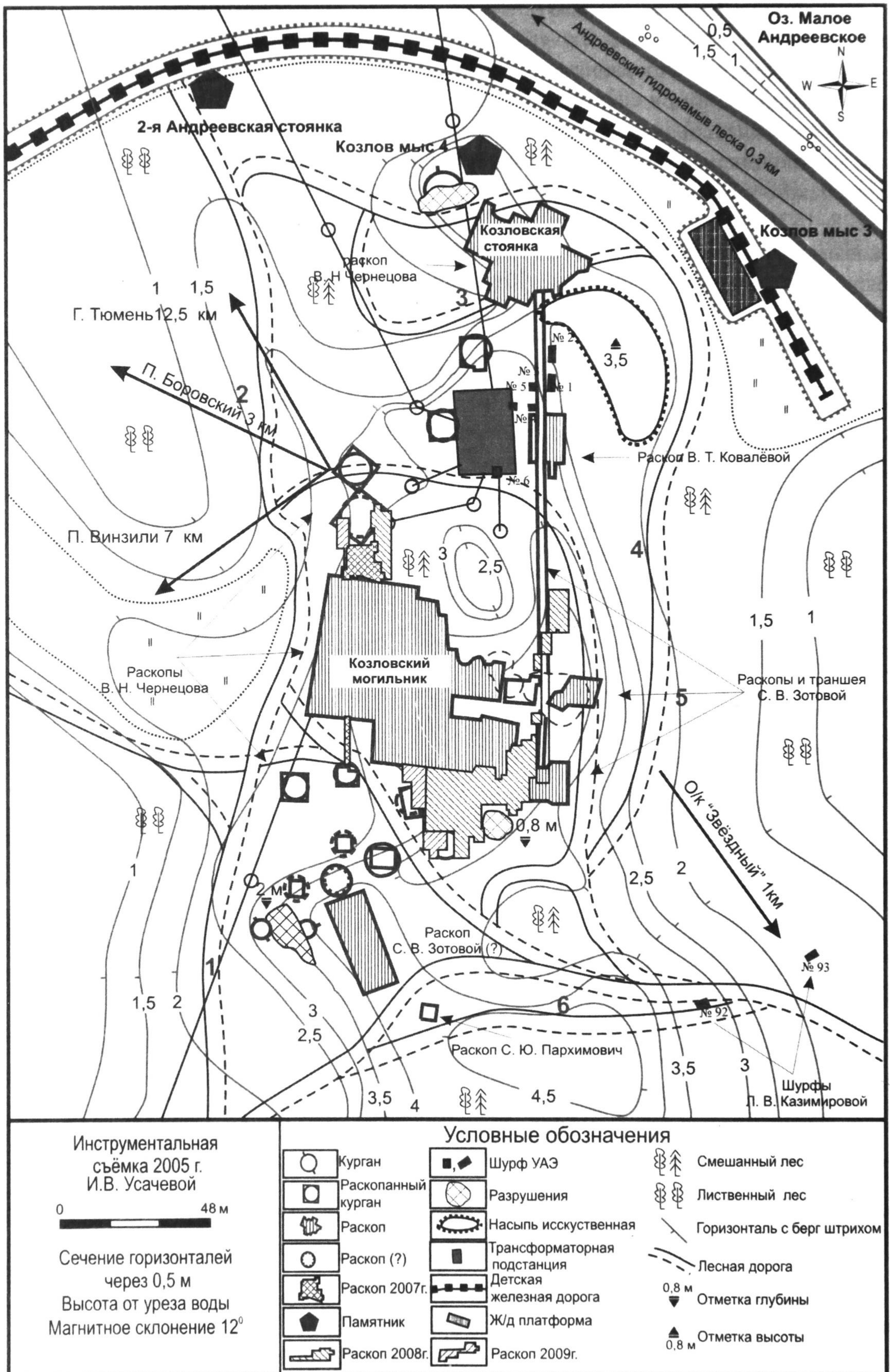

Рис. 2. Инструментальный план памятника

Всего ученым было обнаружено 54 погребения [5–7]. В 1960 г. С.В. Зотовой при соединении северной и южной частей могильника посредством траншеи было вскрыто еще восемь захоронений [8]. В конце 1960-х гг. одиночные шурфы и небольшие раскопы при поиске неолитических объектов в разведочных целях были заложены членами экспедиции Уральской археологической экспедиции (УАЭ), но сведений об обнаружении ими могил не имеется.

В настоящее время памятник в значительной мере застроен, испорчен антропогенной деятельностью. С 2007 г. охранные работы на памятнике ведутся Н.П. Матвеевой. Раскопками 2007–2009 гг. на площади 576 м² заложено два раскопа в срединной части дюны: первый приурочен к западному борту раскопа В.Н. Чернецова на грунтовом некрополе, второй — к южному. Всего исследовано 17 средневековых погребений.

Раскопом 1 планировалось доследовать участок местности между курганами и северной стенкой раскопа на грунтовом некрополе. Он позволил изучить десять погребений (№ № 63–72)*. Анализируя их планиграфическое соотношение, можно увидеть три ряда могил, расстояние между которыми составляет от 0,5 до 3 м. Расстояние между рядами довольно устойчиво — 2,5–3 м (рис. 3).

Сохранность костного материала плохая, что, несомненно, обусловлено малой глубиной, высокой водо- и воздухопроницаемостью песчаного слоя.

Стратиграфия раскопа очень проста и включает три слоя: дерново-гумусный слой (7–10 см); черную супесь (до 25 см); коричневую супесь (до 85 см); а серовато-коричневая супесь (до 55 см) является основным заполнением могильных ям. Материк представлен желтым сыпучим песком (рис. 3). Выбросы из могильных ям не фиксировались.

Погребение 63 располагалось в южной части раскопа. Овальная яма, размерами 2,4×0,8 м, ориентирована по линии север-юг. Глубина от уровня материка составляла 0,25 м, от уровня дневной поверхности 1,08 м. Умершая, женщина 30–35 лет**, была уложена вытянуто на спине головой на север, руки прижаты к туловищу. Лицевая часть скелета раздавлена грунтом, кисти рук и стопы ног не сохранились, кости грудной клетки и позвоночника представлены крайне фрагментарно. Слева за головой был установлен небольшой сосуд, украшенный в кушнареновской манере. Низкая шейка украшена отпечатками мелкого гребчатого штампа, плечики — резными треугольниками. Малые размеры этого кувшинчика и прочих сосудов из некрополя наталкивают нас на мысль о специальном изготовлении погребальной посуды. С внутренней стороны тазобедренного сустава правой ноги лежала бронзовая пряжка с остатками кожи, вероятно, от пояса (рис. 4).

В южной части погребения были обнаружены три мелких фрагмента керамики, попавшие в могилу при ее засыпке.

Погребение 64 находилось в юго-западной части раскопа. Могила овальной формы, размерами 1,5×0,78 м, глубиной от уровня материка 0,14 м, от уровня дневной поверхности 0,79 м, ориентирована по линии север-юг. Единственной находкой стал фрагмент эмали зуба, обнаруженный в средней части погребения.

* Помимо средневековых погребений раскопом были зафиксированы жилые постройки русского населения и хозяйственные ямы эпохи энеолита и бронзы, материалы по которым в данной работе не рассматриваются.

** Здесь и далее — палеоантропологические определения младшего научного сотрудника лаборатории этнографии и антропологии ИПОС СО РАН О.Е. Пошехоновой.

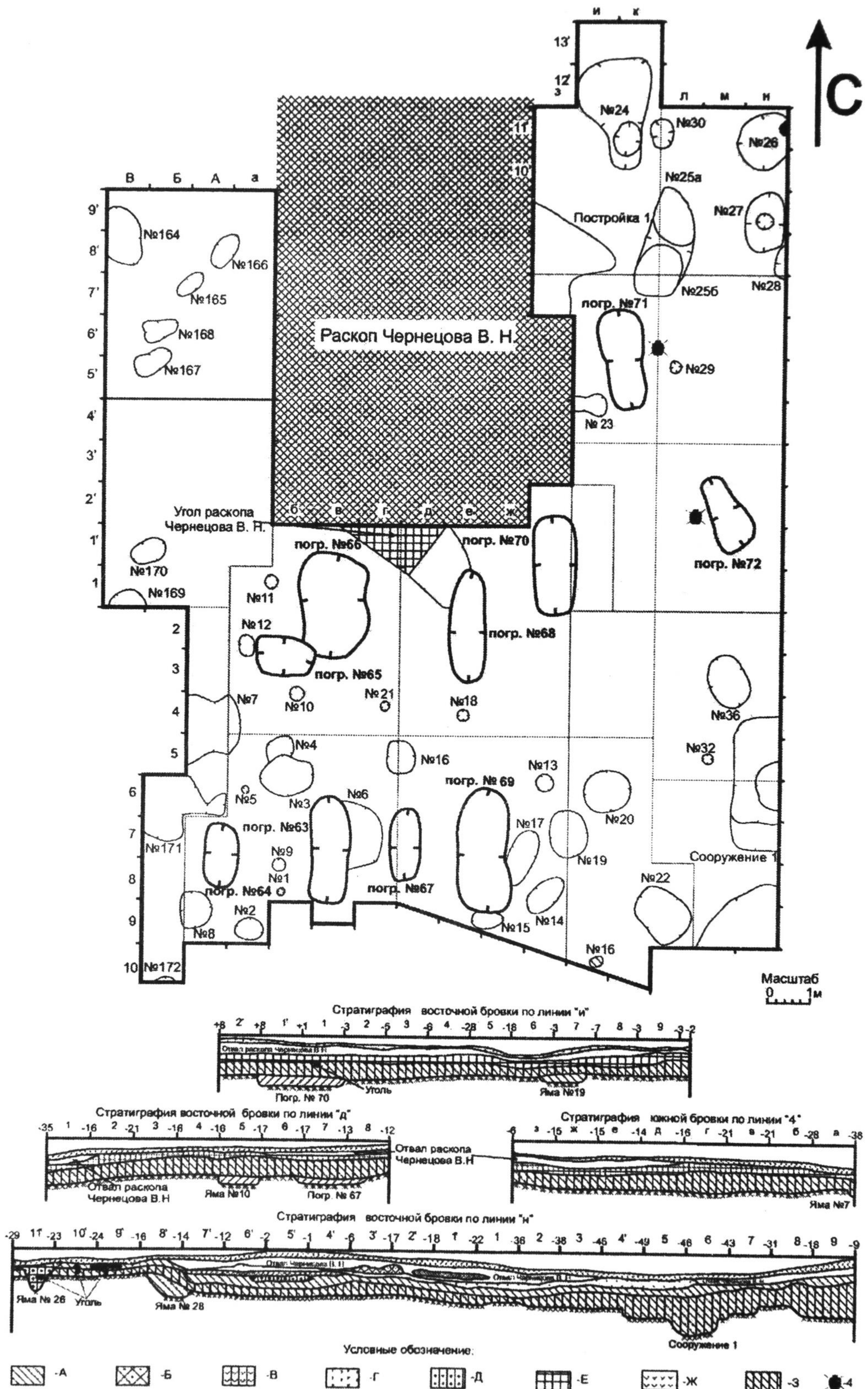

Рис. 3. План и стратиграфия раскопа 1:

а — темно-серая супесь; б — черная супесь с вкраплениями глиняных черепков; в — серая супесь с золой; г — дерново-гумусный слой; д — светлый песчаный выброс; е — черная супесь; ж — серая супесь; з — коричневая супесь; и — развал сосуда

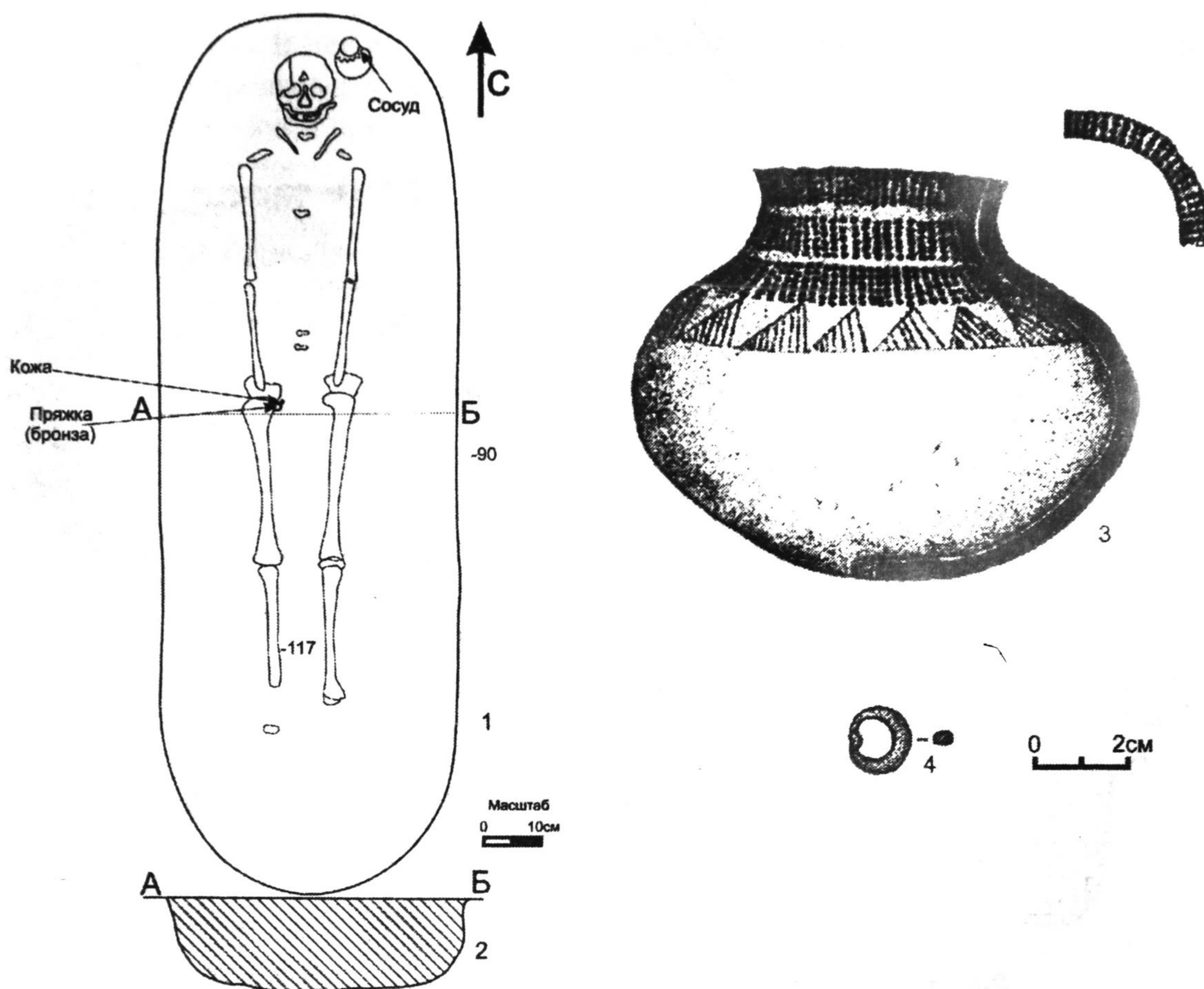

Рис. 4. План (1), разрез (2) и инвентарь (3, 4) могилы № 63

Погребение 65 располагалось в трапециевидной яме со сглаженными углами, размерами $1,50 \times 0,93$ м, углубленной на 0,19 м от уровня материка и на 1,09 м относительно дневной поверхности. Ориентированное по линии запад-восток, оно вплотную примыкало к юго-западной части погребения 66. Костного материала не обнаружено, вероятно, он полностью истлел. В заполнении встречено чуть менее десятка мелких фрагментов керамики. находка рядом с могилой, но выше ее (в дерне) ребра от скелета взрослого человека может свидетельствовать об ограблении захоронения.

Погребение 66 находилось в северо-западной части раскопа. Могильная яма, ориентированная по линии северо-северо-запад–юго-юго-восток, имела неправильную форму, тяготеющую к овалу; северо-восточная часть разрушена. Глубина от уровня материка составляла 0,5 м, от уровня дневной поверхности — 1,13 м (рис. 5). Умершая, женщина в возрасте 25–30 лет, лежала вытянуто на спине лицом вверх, руки вытянуты вдоль туловища. Сохранность костяка плохая. Череп сильно фрагментирован, другие части скелета представлены трубчатыми костями рук и ног. Бедра рахитично изогнуты. Прямо за головой был установлен бакальский сосуд, украшенный рядом ямок в зоне перехода от шейки к плечикам и насечками по срезу венчика. Между головой и горшком были помещены бронзовый пинцет и небольшой черешковый железный нож (сохранился лишь фрагмент). В заполнении могилы обнаружены три фрагмента неорнаментированной керамики.

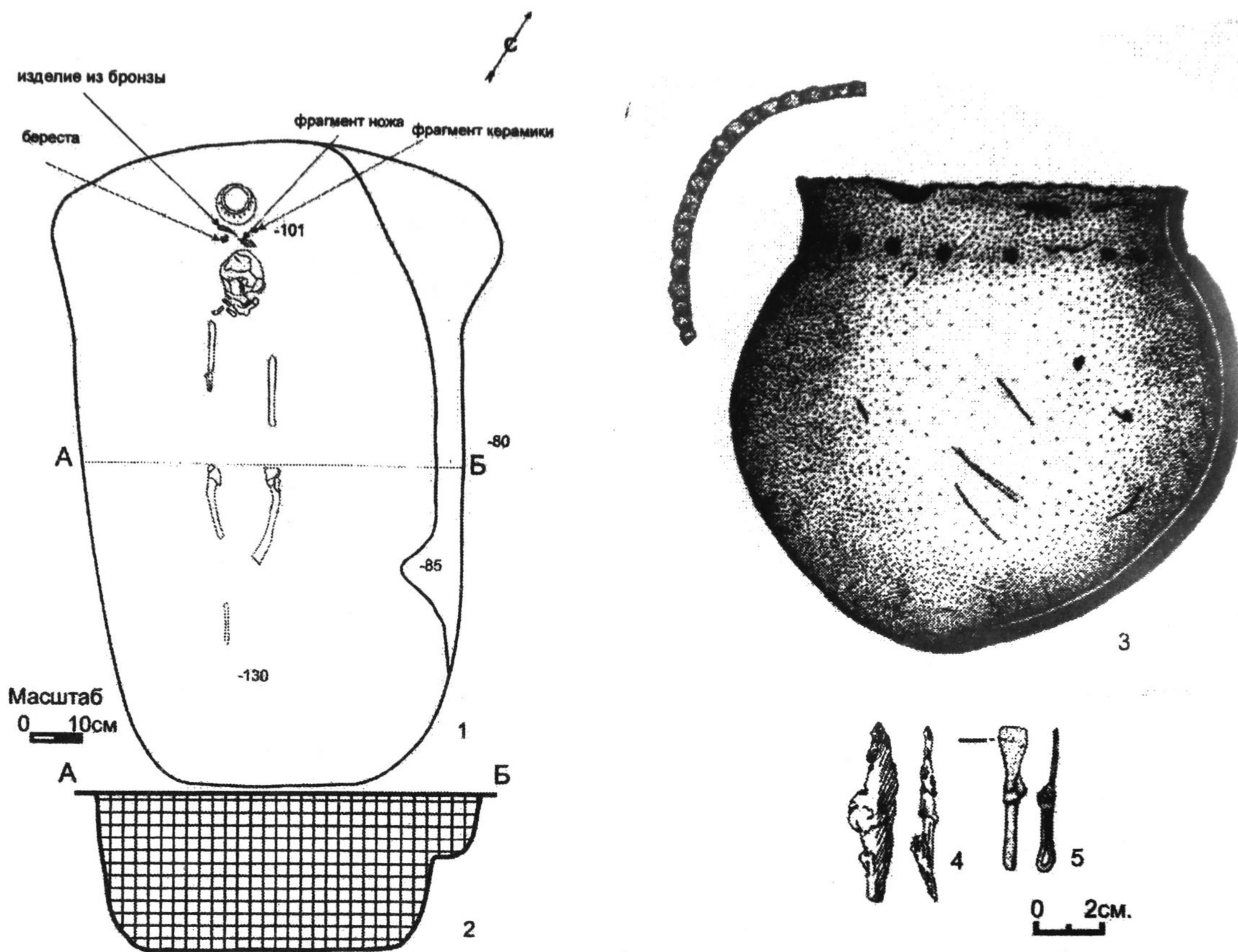

Рис. 5. План (1), разрез (2) и инвентарь (3–5) могилы № 66

Погребение 67, овальной формы, ориентировано по линии север-юг, размеры $1,9 \times 0,75$ м, глубина от уровня материка — $0,25-0,3$ м и $1,08$ от уровня дневной поверхности (рис. 6). Обнаружено захоронение ребенка 5–6 лет, уложенного головой на север. Череп раздавлен грунтом, лицевая часть почти не сохранилась. В районе пояса найдена круглая бронзовая пряжка с подвижным язычком. За головой был поставлен сосуд переходного от раннего железного века к средневековью облика. Слабая профилированность горшка указывает на его принадлежность к средневековой эпохе, так же как насечки по бортику и ряд ямок по шейке, меж тем фестоны, нанесенные по плечикам, указывают на близость декора стандартам орнаментации, характерным для саргатской культуры.

Погребение 68 располагалось в северной части раскопа, примыкало к раскопанному В.Н. Чернецовым кургану. Оно находилось в вытянутой овальной яме размерами $2,4 \times 1,04$ м, глубиной от уровня материка $0,2$ м. Находок не обнаружено.

Погребение 69 выявлено в южной части раскопа. Ориентировано по линии север-юг. Размеры могилы $3,48 \times 1,1$ м, глубина $0,25$ м от уровня материка и $1,08$ м от дневной поверхности. Находок нет.

Погребение 70, подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами $2,35 \times 1$ м, глубиной $0,2$ м (рис. 7). Покойный лежал *in situ*, головой на север, вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Сохранность антропологического материала неудовлетворительная. За головой умершего был помещен сосуд с орнаментом карымского типа. В районе шеи и области груди обнаружены бронзовые изделия. Правее черепа лежала бронзовая окантовка деревянного сосуда, представляющая согнутую пополам полоску листовой бронзы размером $4,5 \times 1,5$ см, крепившуюся

двумя гвоздиками. В ней сохранился небольшой фрагмент дерева. В зоне грудной клетки зафиксирована россыпь бисера. В области предполагаемого пояса была обнаружена бронзовая пряжка с обоймой для крепления ремня. С внутренней стороны бедра левой ноги, ближе к коленному суставу, сохранился небольшой кусочек грубошерстной ткани ручной работы, полотняного переплетения, окрашенный в красный цвет, размером 4×10 см.

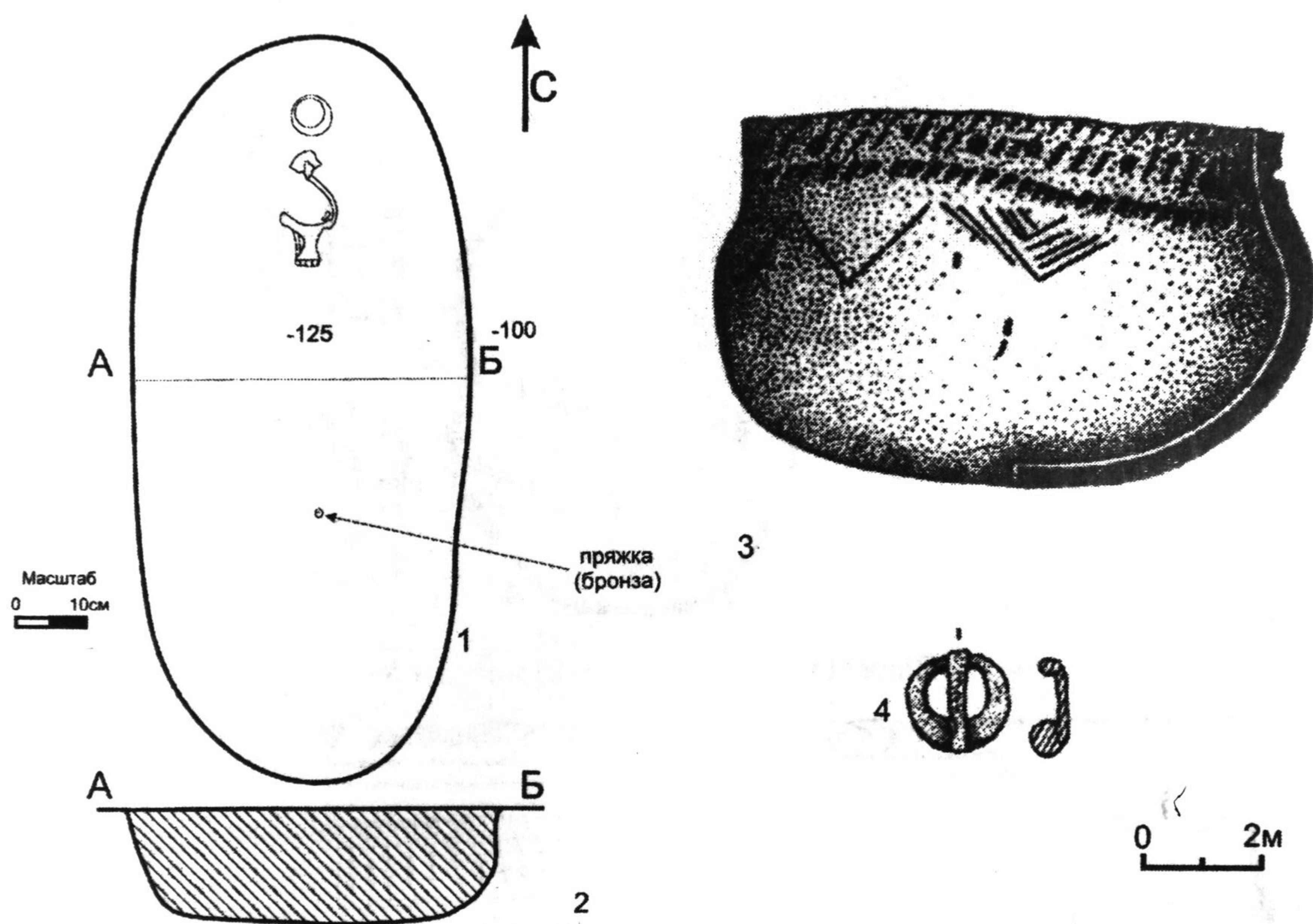

Рис. 6. План (1), разрез (2) и инвентарь (3–4) могилы № 67.

Погребение 71 локализовалось в восточной части раскопа, на склоне естественного понижения в рельефе местности, имело размеры 2,35×0,85 м, глубину 0,28 м от уровня материка и 0,73 м от уровня дневной поверхности. Ориентировано по линии северо-северо-запад–юго-юго-восток. К востоку от погребения найден развал сосуда ярсалинского типа (рис. 8). В головном конце могильной ямы были найдены два фрагмента от того же горшка, что и выше, но на дне оказались глиняное грузило с двумя перетяжками, характерное для эпохи бронзы и отщеп, попавшие в заполнение могилы из поселенческого слоя.

Погребение 72 находилось в восточной части раскопа в грушевидной яме со скругленными углами, размером 1,82×0,7 м, глубиной от уровня материка 0,3 м. Она ориентирована по оси северо-запад–юго-восток. Непосредственно в могиле находок не обнаружено. Над южной частью погребения, на 20 см выше уровня материка, то есть на уровне древней поверхности, было найдено скопление зубов лошади. Рядом с могилкой найден развал карымского сосуда (рис. 8).

Наш *раскоп 2* соединил южный и восточный борт основного (южного) раскопа В.Н. Чернецова и его же курган с погребением 7, а также траншею и раскоп С.В. Зотовой. Стратиграфия раскопа 2 аналогична последовательности и мощности слоев раскопа 1 (рис. 9).

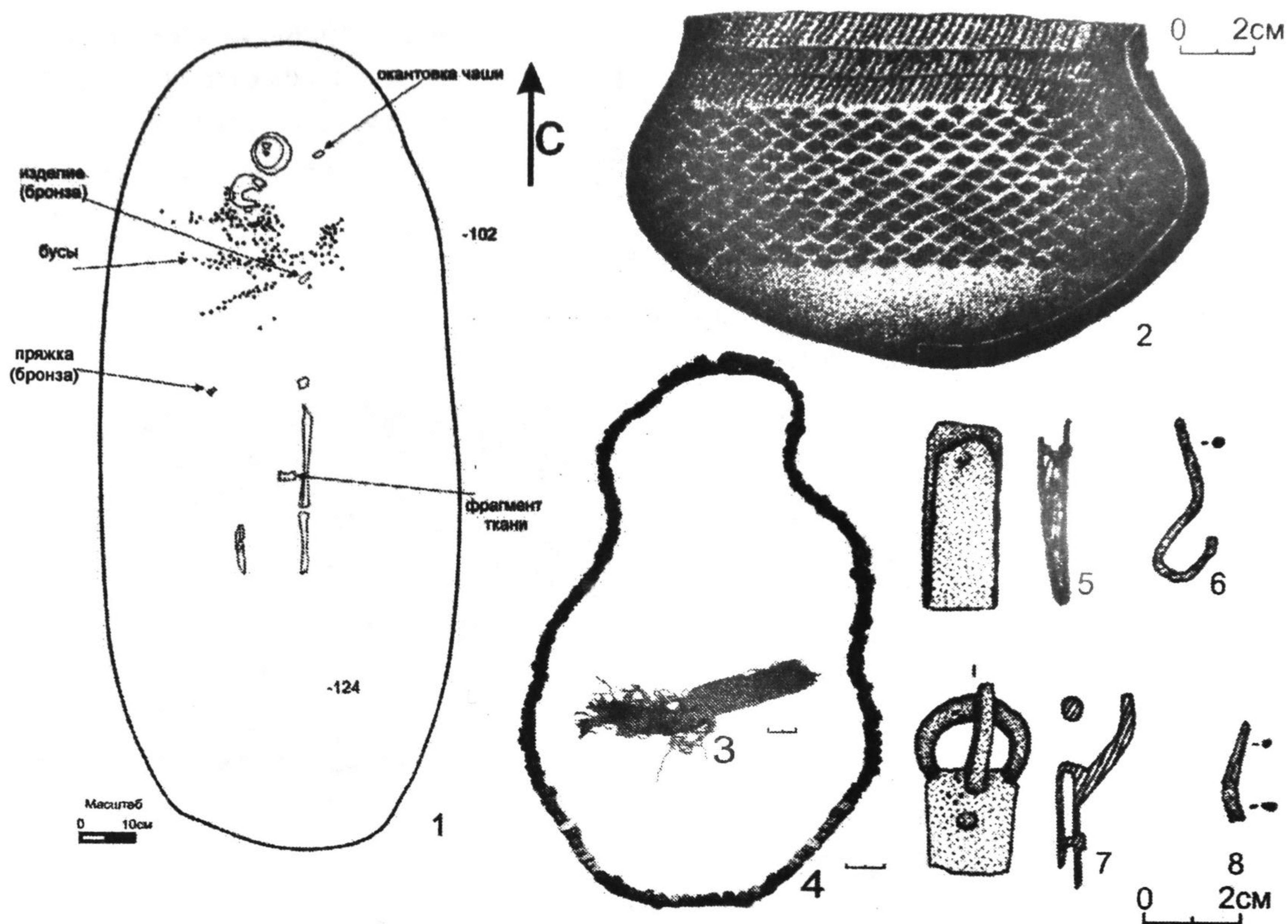

Рис. 7. План (1) и инвентарь (2–8) могилы № 70

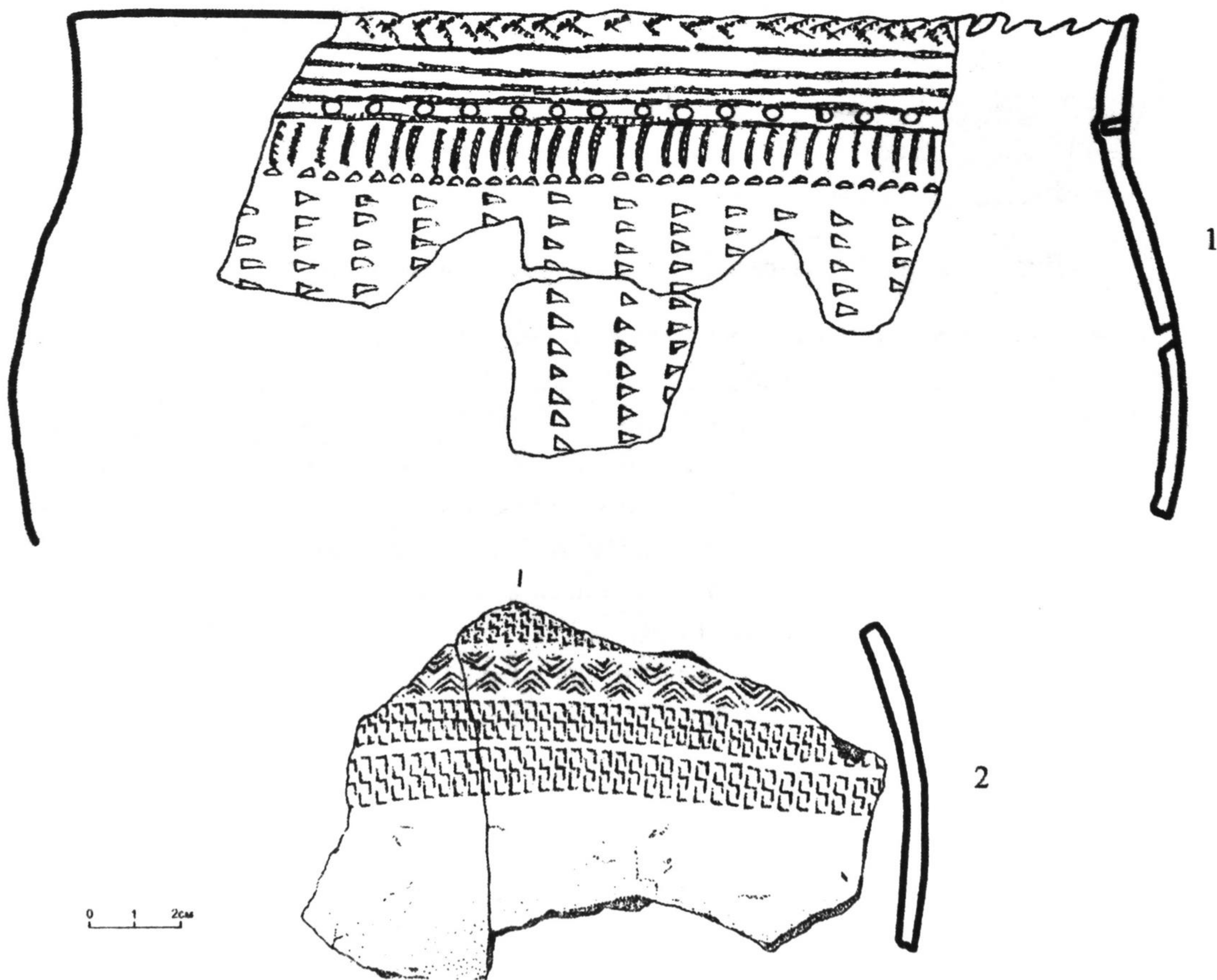

Рис. 8. Керамика из погребений № 71 и № 72

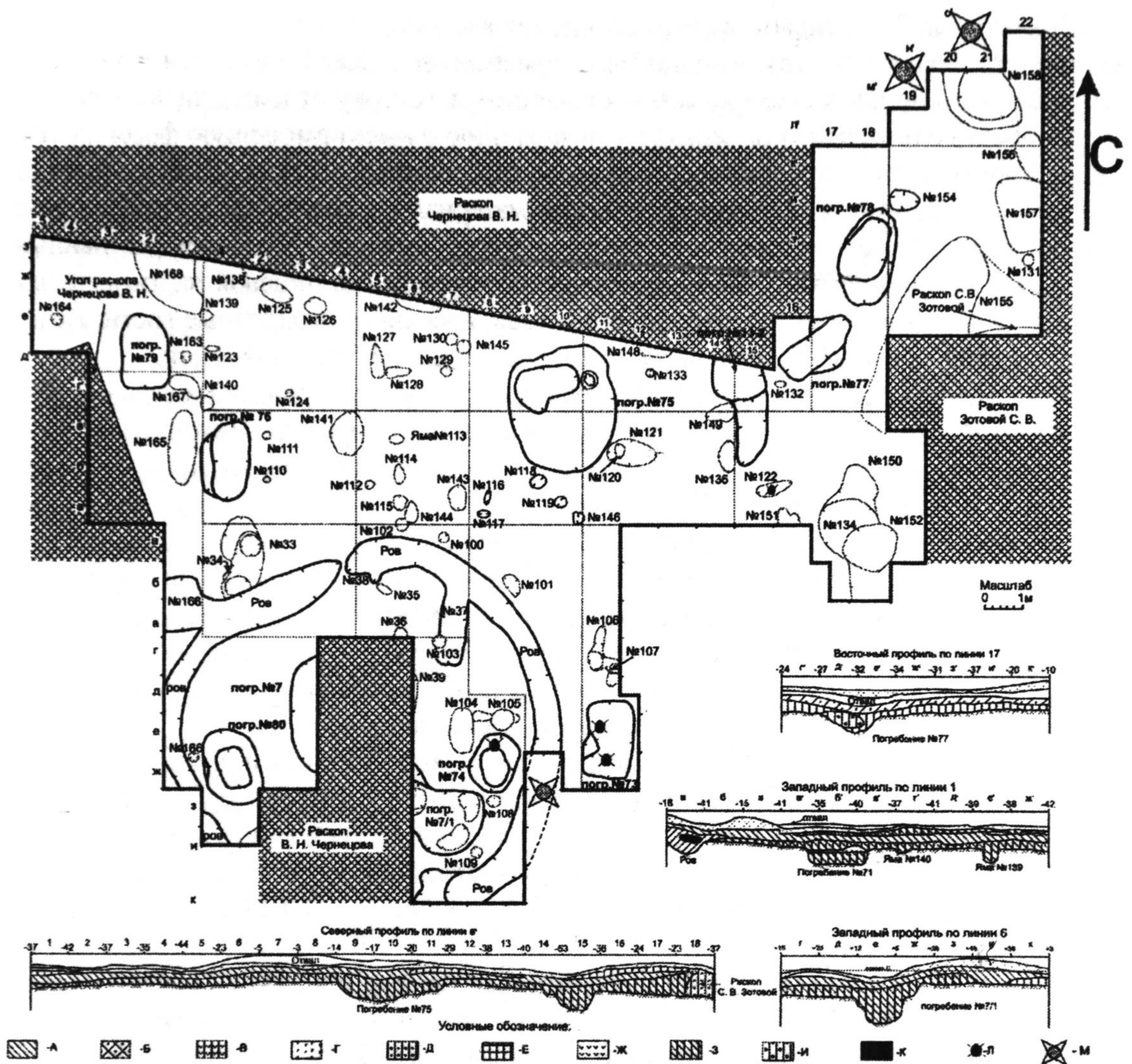

Рис. 9. План и стратиграфия раскопа 2:

- а — темно-серая супесь; б — черная супесь с вкраплениями глиняных черепков;
- в — серая супесь с золой; г — дерново-гумусный слой; д — светлый песчаный выброс;
- е — черная супесь; ж — серая супесь; з — коричневая супесь; и — мешеная коричневая супесь; к — углистое заполнение ям; л — развал сосуда; м — дерево на раскопе

На исследованной площади был выявлен ров, опоясывающий курганное погребение 7, но не обнаруженный ранее В.Н. Чернецовым, так как он копал насыпи колодцем. В плане ров имеет округлую форму, в северной части наблюдается небольшая перемычка шириной около 20 см. Ширина его варьирует от 0,5 до 1,1 м, глубина от 0,4 до 0,65 м, наибольшая глубина в юго-западной части, наименьшая — в северной. Видимо, это связано с естественным понижением дюны к северу. В сечении ров полукруглый, заполнен коричневой супесью. В центральной могиле 7, размерами 2,2×0,68 м, ориентированной по линии северо-запад–юго-восток, найдены обломки от одного и того же сосуда, слабопрофилированного, с рядом ямок в зоне перехода от шейки в плечико и оттисками гребенчатого штампа по венчику; помимо этого, на дне погребения найдены железный нож и бронзовая пряжка, трехсоставная, с утолщенным впереди кольцом и длинным хоботовидным язычком, выступающим далеко вперед [6; 3].

Внутри опоясанной ровом площади зафиксированы средневековые погребения № 7-1 и № 80, вне ее расчищены еще пять могил.

Погребение 7-1, вскрыто не полностью, так как уходило в борт раскопа В.Н. Чернецова. Располагалось в грушевидной яме размером около $2,8 \times 1,5$ м, ориентированной длинной осью по линии северо-запад–юго-восток, к востоку от центрального захоронения. Яма неоднократно подвергалась ограблению и имеет аморфную форму, уступы на бортах и три углубленных в дно ямки, глубиной 12–15 см. Общая глубина от материка — 0,8–1,0 м. Антропологический материал сосредоточен в углублении в северо-западной части могилы, это скопление костей мужчины 50–60 лет, закопанных в дно ямы бугровщиками. Кости представлены черепом без лицевой части: верхняя челюсть в обломках, нижняя челюсть без ветвей, височные, затылочные кости; также собраны диафиз и эпифиз бедренной кости, диафиз малой берцовой кости.

Рвы, окружающие насыпи, больше характерны для культур раннего железного века лесостепной зоны. На средневековых памятниках лесного Зауралья, Нижнего Приобья, Прииртышья до настоящего момента не было обнаружено ограждения курганов рвами. Более того, в центральной части Козловского могильника, где фиксировались небольшие насыпи и которую В.Н. Чернецов изучал сплошным раскопом, судя по его единственному чертежу в отчете, вокруг средневековых могил не было выявлено ни одного рва. Это позволяет высказать догадку, что средневековое погребение 7 было впущено в центр маленького кургана раннего железного века с погребением 7-1. К сожалению, проверить это предположение невозможно, искореженная поверхность памятника и промывной режим почвы не позволили сохраниться выбросам и перекопам.

Погребение 80, подпрямоугольной формы с закругленными углами размерами $1,68 \times 1,16$ м, располагалось под курганом в 80 см к юго-западу от центрального захоронения 7. В верхних слоях заполнения отмечено крупное углистое пятно. В яме было дополнительное подпрямоугольное углубление в дне размерами $0,88 \times 0,56$ м. Максимальная глубина погребения — 0,48 м. Находок нет вследствие ограбления.

Погребения 73, 74 относятся к эпохе поздней бронзы и в данной работе не рассматриваются. Необходимо отметить, что в ходе раскопок В.Н. Чернецова в северной части дюны также было зафиксировано несколько погребений бронзового века.

Погребение 75 располагалось в центре раскопа, к северо-востоку от кургана. Меридианально ориентированная могильная яма, размерами $3,15 \times 2,8$ м, в середине имелось еще одно углубление овальной формы размером $1,65 \times 1,3$ м. Общая глубина составляет 0,6 м. Возможно, что погребение было расширено грабительским шурфом. Найден фрагмент сработанного камня, возможно, часть кресала, и обломок неопределимого железного предмета. Антропологический материал не обнаружен (возможно, из-за ограбления).

Погребение 76, овальной формы, ориентировано по линии север-юг с небольшим отклонением к востоку. Западная стенка ямы нарушена грабительским вкопом. Размеры могилы — $2,12 \times 1$ м, глубина 0,55–0,6 м, стенки отвесные. Находки представлены несколькими фрагментами неорнаментированной керамики, костей скелета не найдено.

Погребение 77 ориентировано по линии северо-восток–юго-запад. Могила подпрямоугольной формы со скругленными углами, размерами $2,1 \times 0,8$ м, глубиной 0,51 м от материка, с уступчиками с севера и юга. Дно могилы неровное, уклон достигает 0,16 м. В заполнении найдены мелкие обломки карымского типа посуды и зуб человека.

Погребение 13-2. В месте стыковки нашего раскопа с раскопом В.Н. Чернецова выявилась продолговатая яма уступчатой формы с разнородным заполнением без находок. Ее расположение соответствует захоронению 13-2, исследованному в 1955 году.

Погребение 78 находилось в овальной яме размером 2,6×1,4 м, глубиной 0,43 м от материка. Ориентировано длинной осью по линии северо-северо-восток–юго-юго-запад. В заполнении собраны мелкие обломки от одного сосуда карымского типа.

Погребение 79 обнаружилось в западной части раскопа. Подпрямоугольной формы, размерами 1,56×1 м, оно было неравномерно углублено в материк (0,1–0,27 м). В восточной стороне в заполнении могилы отмечено подтреугольное углистое пятно. Находок не содержало. В метре к северо-западу от погребения на уровне древней поверхности рядом были сложены четыре конечности мелкого рогатого животного (?).

Для определения датировки могильника обратимся к анализу инвентаря. Основные аналогии вещам из захоронений находим в памятниках Приуралья.

Среди бус (всего 149 экз.) преобладает синий, голубой и светло-голубой, непрозрачный рубленый цилиндрический бисер, отмечен также красный и светло-зеленый рубленый из стеклянной палочки бисер. Подобный бисер синего, зеленого и желтого цветов обнаружен в составе клада на Аргыжском городище. Сам клад датирован V–VI вв. н.э., но, как отмечают авторы работы, он мог формироваться на протяжении многих лет [9; 67–68, цв. вкл.]. Красные и светло-зеленые бусинки известны в Бирском могильнике, зафиксированы в Бродовском могильнике и отнесены к IV–V вв. н.э. [10; 85]; [11; 16]. Голубой же бисер датирован Е.В. Голдиной более поздним временем — VI–VII вв. н.э. [10; 86]. Р.Д. Голдина, анализируя инвентарь ломоватовских могильников, считает возможным использование синего и голубого бисера на протяжении всего хронологического диапазона культуры — с V в. по IX вв. н.э. [12; 50–51]. Рубленый синий бисер встречен среди бус Красноярского могильника, датированного III–V вв. н.э. [13; 63].

Бусины белые цилиндрические высотой 2,5 мм, диаметром 5,5 мм (3 экз.), характерны для I–IV вв. н.э. [14; 68]. В небольшом количестве найдены синие и голубые непрозрачные бочковидные поперечно сжатые бусины, диаметром от 1,5 до 5 мм, высотой 1,5–4 мм (6 экз.), а также голубой прозрачный цилиндрический бисер, высотой — 3 мм, 3,5 мм и 5 мм, диаметром 3,5 мм (3 экз.). Все эти разновидности бус характерны для ранних погребений Бирского могильника, датированных II–IV вв. [11; 16].

В единственном экземпляре встречена голубая непрозрачная биконическая бусина; по данным Е.М. Алексеевой, подобные были распространены в II–III вв. н.э., в двух случаях они встречены в погребениях II в. до н.э. [14; 69]. Аналогичные по форме бусы красного цвета встречены в трех экземплярах. В Бирском могильнике такие изделия зафиксированы в погребениях IV в. н.э. [11; 13, табл. 4–43].

Пряжки из Козловских захоронений могут быть отнесены к двум типам. Бесщитковые, маленькие, круглорамчатые, диаметром 1,9–2 см, с подвижным язычком (в одном случае обломлен). Сохранившийся язычок указывает на принадлежность пряжки к первому типу по классификации В.Б. Ковалевской, он короткий, не выступающий за передний конец пряжки, слабопрофилированный, огибает задний конец изделия петелькой [15; 11].

Появление пряжек с рамкой равномерной ширины и коротким прогнутым язычком, плавно переходящим в петлю, видим, как указывают А.А. Васильев и О.К. Савельев [16; 42], в позднесарматских комплексах второй половины II—начала III веков. Этот тип пряжек также находит аналогии в прикамских древностях III–V веков. Наиболее близкая рассматриваемой вещь найдена на Буйском городище еманаевской культуры [17; рис. 117–7, 157–25] VI–VII вв. По данным

В.Б. Ковалевской, эта разновидность пряжек характерна для III–V вв., реже встречается в погребениях V–VI вв. [15; 17]. Такой, как в нашем случае, удлиненный щиток у пряжки, находим в приуральском Бирском могильнике IV–VII вв., причем формы с прямоугольными щитками отнесены к VI в. [18; рис. 7, 13]. Интересно, что они там коррелируют с сосудами с кушнаренковской орнаментацией.

Трехсоставная круглорамчатая пряжка, с немного утолщенным спереди кольцом, выступающим язычком, и прямоугольным щитком, который перегнули пополам через переднюю часть рамки и соединили гвоздиком посередине, находит аналогии в группе инвентаря IV–V вв. н.э. Красноярского могильника [19; 158, 163–2,3]. Н.А. Лещинская датирует подобные изделия V в. н.э. [20; 92–93]. По данным И.П. Засецкой на территории Восточной Европы и простые рамчатые пряжки, в которых ремень прикреплялся прямо к кольцу, и трехсоставные бытовали в конце IV–начале V вв. н.э. [21; 8, 11, рис. 3].

Пинцет бронзовый с расширяющимися щипчиками находит аналогии на Верхнеутчанском городище, одноименной культуры Прикамья, датировка которой определяется как VI–IX вв. н.э. [17; рис. 134–9].

Помещение в могилы деревянных сосудов, скрепленных по горловине металлическими скобками, — распространенный прием во многих древних культурах, в раннем средневековье находим эту традицию в полемской культуре [22; 53, табл. XXVIII–2].

Интересен факт обнаружения рядом с могилой № 71 развала сосуда, украшенного трехчленным штампом, образованным двумя уголками и «уточкой» между ними. По мнению В.Н. Чернецова, этот штамп зародился на керамике ярсалинского этапа нижнеобской культуры и просуществовал до III в. н.э. [23; 155]. На Слоцовском городище, расположенном поблизости на Андреевском озере, также зафиксирована подобная керамика [23; 150–154].

Таким образом, анализ инвентаря и керамики позволяет предварительно датировать могильник в пределах IV–VI вв. н.э., как это и предполагал наш предшественник, но ближе к IV–V векам.

Анализируя распределение погребений Козловского могильника в пространстве, отмечаем, что они расположены преимущественно параллельными рядами, вытянутыми с запада на восток. Скорее всего, могильник разрастался от стрелки мыса к основанию, но данное предположение нуждается в верификации тщательным анализом всех материалов некрополя. Практически все средневековые могилы ориентированы по линии север-юг с небольшими отклонениями к западу или востоку. Погребенных укладывали вытянуто на спине, головой на север, руки размещали вдоль тела. В исследованных нами могилах сосуд, всегда один, устанавливали за головой. В.Н. Чернецов в своем массиве данных отмечал наличие нескольких сосудов, но это относится к коллективным захоронениям, посуду в этих случаях помещали и около головы и в ногах покойных. Вещи, чаще всего предметы костюма и быта, располагались на местах их ношения.

По погребальному обряду могильнику Козлов Мыс чрезвычайно близки памятники Башкирии — Каратамакский, Бахмутинский, часть захоронений Бирского могильника, в которых сходны с описываемыми размеры, глубина и форма ям, ориентировка покойников, состав инвентаря. Последний также сравнительно беден и равномерно распределен по могилам. Несомненно, это сходство отражает наличие одних и тех же культурных компонентов в составе оставившего их приуральского населения в сравнении с зауральским.

Из общего массива погребений Козловского некрополя резко выделяются могилы, ориентированные по линии запад-восток. В наших раскопках зафиксирована только одна такая яма (№ 65), она была пуста. Но три подобных погребения (№ 55, 58–59) выявлены раскопом С.В. Зотовой. Они располагались на восточной стороне дюны и характеризуются, судя по иллюстрациям в ее отчете, очень хорошей сохранностью костяков. Все они безынвентарные. Ориентация могил, хорошая сохранность костяка и отсутствие инвентаря позволяют нам предположить, что они относились к более позднему периоду, скорее всего, к татарскому. Захоронения в позе вытянуто на спине головой на запад раскопаны в Хрипуновском, Нечунаевском, Окунево-3 могильниках и отнесены авторами к XIV–XV вв. н.э. [24; 42]; [25; 63].

Важен факт совмещения грунтового и курганного обряда захоронения, который мы наблюдаем на памятнике. Хотелось бы констатировать смену первого вторым, но так как курганы разбросаны по всей территории дюны и нигде не перекрывают грунтовые могилы, то оснований для такого заключения мало. Полностью вписываются они в план грунтового могильника или нет, можно будет установить только после дополнительно проведенных раскопок на периферийных участках мыса.

Наличие среди грунтовой части некрополя разнокультурных захоронений, которые, несомненно, располагались по одному плану, не нарушая друг друга, указывает, что здесь проводились захоронения какой-то полиэтничной общины. Таким образом, сложные культурогенетические процессы, протекавшие в регионе в переходный период от раннего железного века к средневековью и часто фиксируемые нами на поселенческих объектах, где керамика кушнаренковской, бакальской и карымской культур встречается вместе, хорошо отражены в материалах могильника Козлов Мыс.

Формирование раннесредневековых культур, судя по датировке инвентаря, происходило в короткий период в IV—начале V вв. н.э., длительность которого мы пока определить затрудняемся. Вопрос о причине сохранения культурной самоидентификации населения различного происхождения в условиях совместного проживания, которое мы отмечаем по материалам могильника, остается открытым. Можно лишь предположить, что объяснение кроется в сравнительно быстрых изменениях, происходивших не один — два века, а в течение нескольких десятилетий, с субстратными и суперстратными компонентами нового этнокультурного образования в условиях взаимовлияния осколков когда-то крупных общностей. В IV–V вв. с территории лесостепного Зауралья, как и раньше, в гунно-сарматское время, продолжался отток населения на запад. Судя по керамике и особенностям погребений, это были группы позднесаргатского облика с вызревающими бакальскими традициями. В VI–VII вв. карымские мигранты уже растворились в местной среде, а сложившееся на основе их взаимодействия с поздними саргатцами кушнаренковское население мигрировало в Приуралье, территорию северной лесостепи заняли бакальские племена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викторова В.Д. Ликийский могильник X–XIII вв. н.э. // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. Свердловск, 1973. С. 133–168.
2. Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Сб. ст. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. С. 130–147.
3. Ражев Д.И. Антропологическое исследование Пылаевского грунтового могильника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Сб. ст. Вып. 1. Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1997. С. 147–152.

4. Генинг В.Ф., Овчинникова Б.Б. Пахомовский могильник // Вопросы археологии Урала. Вып. 8. Свердловск, 1969. С. 128–137.
5. Чернецов В.Н. Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции в 1952 году. Архив ИА РАН, Р-891. 30 с.
6. Чернецов В.Н. Отчет о работе Западно-Сибирской экспедиции в 1955 году. Архив ИА РАН, Р-1211.
7. Чернецов В.Н. Отчет о работе Западно-Сибирской экспедиции в 1956 году. Архив ИА РАН, Р-1739, 1739а.
8. Зотова С.В. Отчет о работе Андреевского отряда Западно-Сибирской экспедиции в 1960 году. Архив ИА РАН, Р-2145.
9. Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 188 с.
10. Голдина Е.В. О хронологии бус неволинской культуры // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Сб. ст. Ижевск: ИД Удмуртский университет, 2002. С. 82–103.
11. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968.
12. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
13. Казанцева О.А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники камско-вятского междуречья. Ижевск, 1988. С. 43–65.
14. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 105 с.
15. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-2. М.: Наука, 1979. 57 с.
16. Васильев А.А., Савельев О.К. Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днепра и Дуная // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград: Калининград. обл. ист.-худ. музей, 2008. С. 29–43.
17. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: ИД Удмуртский университет, 2004.
18. Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 3–56.
19. Казанцева О.А. Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. С. 156–165.
20. Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I—начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. С. 88–128.
21. Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. Вып. 158. 1979. С. 5–17.
22. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск: НИИ Удм. ССР, 1980. С. 5–106.
23. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. 1957. № 58. С. 136–245.
24. Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Древности Ингальской долины. Вып. 1. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.
25. Могильников В.А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН. Вып. 1. С. 51–63.